В Ноабе храмы Амека можно встретить где угодно.

В среде кочевников, конечно, его почитают далеко не все, однако подавляющее большинство жителей стольного города Меккана достаточно благочестивы, чтобы Амек занимал в их повседневных делах одну из главных ролей. Потому все свадьбы, похороны, обряды совершеннолетия и прочие более или менее значимые события проходят если и не в храме, то уж, по крайней мере, в присутствии священника.

Похороны Аль Хуфу проводились с большим размахом. Да, император Аль Йериго из-за болезни на церемонии присутствовать не смог, но всё же лично выразил соболезнование родственникам усопшего. Зато на похороны прибыл весь штат императорского дворца – от самых приближенных особ до мелких чиновников.

По размерам гробница Аль Хуфу, конечно, не могла конкурировать с императорскими усыпальницами, и всё-таки была довольно крупной. Тут в большом количестве усердно творили свои молитвы священники храмов Амека, что находились в обширных владениях властителя.

Наибольшую же честь покойному выказал архиепископ – наивысшее лицо церкви Амека – лично руководивший внесением саркофага с телом усопшего в погребальную камеру.

Тот факт, что на церемонии погребения присутствовал сам архиепископ, был поистине неординарным событием. Обычно верховный священник возглавлял погребальную процессию лишь на похоронах императора, императрицы, наследных принцев или своего предшественника – предыдущего архиепископа. Поэтому Аль Маджали даже не надеялся на его участие – он рассчитывал пригласить для обряда одного из храмовых старейшин. Однако архиепископ внезапно предложил Аль Маджали провести обряд лично, что и было принято с готовностью.

Архиепископ явился в остроконечном головном уборе метровой длины и роскошной мантии, украшенной позолоченными лентами. Произнося заупокойную речь, он перечислил все прижизненные достижения Аль Хуфу.

Чтобы увидеть погребальную процессию, возглавляемую самим архиепископом, народ в резиденцию стекался толпами. После завершения обряда люди не отправились по домам, а посетили устроенный Аль Маджали погребальный пир. В общем, в резиденции, что опустела из-за болезни Аль Хуфу, впервые за долгое время было столь многолюдно.

Благодаря людской толчее к Широну, который после завершения обряда прогуливался рядом с гробницей, незаметно подойти стало проще.

«Господин Рахман?»

Заслышав тихий мужской голос, Широн слегка повернул голову. Судя по одеждам, обратившийся человек был священником храма Амека.

«У меня послание от госпожи принцессы Исирис. Охрана в резиденции так хороша, что скрытно передать его вам, господин Рахман, было непростой задачей.»

«От принцессы Исирис?»

«Да, вот оно. Кроме того, госпожа принцесса просила передать, что скучает по вам», – и произнеся эти, последние слова, священник быстро растворился в толпе пришедших поглазеть на гробницу зевак.

В руке Широна осталась небольшая записка. Как и предвидел Аль Джаис, архиепископ начал действовать.

Настала глубокая ночь, Меккан плотным покровом окутала тьма. В резиденции Аль Маджали, где было столь шумно днём, во время церемонии погребения, больше не бродили толпы людей, вокруг царили кромешный мрак и полная тишина.

Широн открыл глаза. Рядом спала Тия, посапывая, будто сытая кошка. Чтобы гарантированно её усыпить, Широну пришлось сегодня трижды заняться с ней любовью.

Ш-ших…

Сделав глубокий вдох, Широн осторожно поднялся с кровати и бесшумно оделся. Когда он поддерживал умиротворённое состояние духа, то мало кто из людей мог обнаружить его в темноте.

Осторожно выйдя из комнаты, Широн оставил особняк и, оглядевшись, направился к обозначенному в записке месту. Он понимал, что здорово рискует, однако схватить архиепископа за хвост, не забравшись при этом в логово тигра, было попросту невозможно.

Спустя короткое время после того, как Широн тронулся в путь, в точке, где он только что останавливался, раздалось пчелиное жужжание. Затем звук начал перемещаться в направлении, в котором ушёл наш герой…

Когда Широн покинул район, в котором располагались роскошные особняки, и вышел к обозначенной в письме речушке, что, по-видимому, являлась притоком Фраюса, вдали показался небольшой каменный мост. Рядом с мостом стоял одинокий паланкин[1].

Судя по тому, что за рукояти паланкина держались шестнадцать человек, хозяин был весьма знатным вельможей. По красовавшемуся на паланкине гербу можно было понять, что им пользовались члены императорской семьи.

Когда Широн приблизился к паланкину, перед ним бесшумно возник высокий бритоголовый мужчина. Наш герой непроизвольно вздрогнул и сделал шаг назад.

Причина, по которой он так испугался, была в том, что этот человек как две капли воды походил на людей с золотыми браслетами-дисками, что когда-то атаковали их с учителем в Меккане.

Бритоголовый мужчина был одет в широкие шаровары, но при этом не имел верхней одежды и обуви. В уши его были вставлены крупные кольца, на лодыжках и запястьях красовались золотые браслеты… даже лицом он напоминал противников из прошлого – жутких воителей, что называли себя «сынами Карима»!

Похоже, что незнакомец счёл реакцию Широна странной, поскольку проговорил: «Господин Рахман, я полагаю? Что заставило вас так испугаться… мы уже встречались?»

Реакция бритоголового была вполне понятной – Рахман никогда в жизни не сталкивался с подобными воителями.

Широн постарался взять себя в руки: «Что вы! Просто вы так внезапно появились, что это стало для меня полной неожиданностью. Вас прислала её высочество Исирис?»

«Да, господин Рахман. Здесь её нет, так что полезайте, пожалуйста, в паланкин. Её высочество ждёт.»

«М-мы поедем во дворец? В т-такой час?» – Широн припомнил обычное поведение Рахмана и его зрачки трусливо забегали по сторонам, создавая ощущение, будто он колеблется в своём решении.

Увидев его жалкий облик, лысый мужчина тяжело вздохнул, но поспешил успокоить: «Дворец слишком велик. Никто не узнает, что вы там были, господин Рахман. Госпожа Исирис – человек осмотрительный, и всё тщательно продумала. Не переживайте.»

Незнакомец говорил вежливо, однако его прищуренные глаза и написанная на лице угроза произвели на Рахмана должное впечатление. На деревянных ногах и с безысходностью на лице он забрался в паланкин.

Вопреки заверениям лысого мужчины, человеком, ожидавшим его во дворце, оказался архиепископ. Впрочем, то была и не совсем ложь – неподалёку от архиепископа и в самом деле находилась очаровательная принцесса Исирис.

Продолжая подражать повадкам Рахмана, Широн робко подошёл к принцессе. Однако перед глазами в этот момент предательски стояли картины из прошлого – та джоранская ночь, когда он пробрался в Горную цитадель, взял Исирис в заложники и напялил ей на голову бронзовую курильницу.

Исирис, хоть и не ведала, что творится в душе Широна, наградила его таким же, как и тогда, презрительным взглядом и произнесла: «Давно не виделись, Рахман.»

«Д-да… но что здесь делает господин архиепископ?..»

Широн нерешительно посмотрел в сторону верховного священника, тонкие губы которого тут же расплылись в доброжелательной ухмылке.

Рахман принадлежал к одному из наиболее излюбленных типажей архиепископа – трусливым, подобострастным, ведомым алчностью дворянам. Именно такие попадались в его паутину с необычайной лёгкостью.

Архиепископ склонил голову в знак приветствия и проговорил: «У меня к вам, лорд Рахман, небольшая просьба, потому я и пригласил вас в это место.»

«П-просьба?.. Что же ж-желает у меня попросить господин архиепископ?..»

«Вы ведь не откажете? В конце концов, мы же с вами в одной лодке?» – с улыбкой произнёс священник.

Притворившись испуганным, Широн широко распахнул глаза: «В одной лодке? Ч-что это значит? Когда мы…»

«Разве не вы связали госпожу Тию по рукам и ногам, предъявив ей браслет Аль Джаиса? Или вы уже забыли? И как заманили в ловушку господина Фахада?»

«К-какого!.. Ф-фахада? О чём это вы? Какое отношение я м-могу иметь к господину Фахаду…»

«Хех! И вы думаете, что госпожа Тия в это поверит? Если вдруг она узнает, что вы всё это

время водили её за нос…» – архиепископ с жалостью взглянул на Рахмана, у которого, судя по всему, при одной мысли об этом закружилась голова и подкосились ноги.

Его посиневшее от страха лицо, по-видимому, доставляло архиепископу огромное удовольствие.

«Теперь-то вы понимаете, что мы в одной лодке? Если хоть толика того, что я слышал о характере госпожи Тии правда, то вам, господин Рахман, уж наверняка…»

Вид трясущегося от страха, истекавшего холодным потом Рахмана настолько услаждал взор интригана, что лицо его исказила довольно жуткая гримаса. Глаза его сверкали, словно у ядовитой змеи, увидавшей в пределах досягаемости лягушку.

Однако Широна холодный пот прошиб совсем по иной причине. Он старательно подражал описанию напуганного человека, прочитанного в книгах Йехинатала, и волновался, что его имитация недостаточно хороша.

К счастью, ночь была такой тёмной, что подозрений он, похоже, не вызвал, но всё-таки крайне переживал – а вдруг проницательный архиепископ что-нибудь заподозрит?

Видя, что Рахман не может издать ни звука, архиепископ решил, что пришло время пожинать плоды, перестал буравить его колючим взглядом и принялся увещевать мягким голосом. Какое бы удовольствие ни доставляло ему издевательство над наивным юношей, но не для того же он его позвал?

«Я надеюсь, что такой достойный мужчина, как вы, лорд Рахман, не восприняли мои слова близко к сердцу? Разве они не означают, что в одной лодке с лордом Рахманом находится также принцесса Исирис?» – снова доброжелательно кивнул головой архиепископ.

Прежде чем опутать противника паутиной окончательно, необходимо ослабить нить. От внимательного взора архиепископа не укрылось, что едва он упомянул в своей речи принцессу, как в глазах Рахмана вновь появился жадный блеск.

Правда сама Исирис при этих словах скривилась так, будто ей в рот попало какое-то мерзкое насекомое, и стала старательно избегать взгляда раскрасневшегося Рахмана… но какое это имело значение? Важно было лишь то, как забилось при этом сердце незадачливого кавалера.

Архиепископ всё понял правильно и шанса не упустил.

«Мы с госпожой принцессой обязательно вам поможем! Надеюсь, теперь-то вы в просьбе не откажете?»

Когда после долгих колебаний Рахман кивнул головой, архиепископ расплылся в широкой улыбке, обнял его за плечи и повёл к садовой скамье. Заметив его жест, Исирис с видом человека, выполнившего свою часть работы, удалилась во дворец.

После того, как она скрылась из виду, архиепископ что-то заговорчески прошептал Широну на ухо.

«Ч-что? А-аль Джаис?! Мой тесть жив?» – лицо Рахмана побледнело от потрясения.

Архиепископ приложил указательный палец к губам, побуждая собеседника говорить тише.

«К-как такое возможно? Т-тесть…»

«Господин Аль Джаис не должен существовать. Угадайте, кого в случае, если Аль Джаис выживет, он казнит в первую очередь? Вы ведь знаете, лорд Рахман, как он обходится с предателями?»

Архиепископ похлопал вздрогнувшего Рахмана по плечу, глаза его коварно блеснули.

«Лорд Рахман, не волнуйтесь. От вас никаких действий не потребуется. Просто держите меня в курсе. Аль Джаис обязательно попытается наладить контакт с госпожой Тией – это ясно как божий день. Всё, что нужно будет вам сделать – сообщить мне, когда это произойдёт.»

«Н-но как же я с вами свяжусь…»

«Через проживающего на территории резиденции Аль Маджали священника храма Амека. Просто отправляйтесь к алтарю Амека, лорд Рахман, и тамошний священник обязательно вам поможет. Не забывайте, теперь мы в одной лодке. Да-да, в одной лодке…»

Каждое его слово таило в себе силу, способную воздействовать на сердца людей. Как и ожидалось, архиепископ тоже не был простым человеком.

Тот же паланкин, что доставил Широна в императорский дворец, вернул его на исходную позицию.

Выбравшись на открытый воздух, Широн глубоко вдохнул холодный ночной бриз, дувший со стороны реки, приводя свои мысли в порядок.

Теперь он хорошо понимал, почему архиепископ строит козни против Аль Джаиса – ради принцессы Исирис. Чтобы прибрать к рукам ту, что после кончины императора станет следующим правителем, Аль Джаис должен быть устранён.

Архиепископ хотел использовать Широна, чтобы поймать Аль Джаиса. Аль Джаис хотел его использовать, чтобы устранить архиепископа. Помочь Горному владыке – не проблема, вопрос лишь в том, что будет дальше.

Аль Джаис знает, что он убил Рахмана и занял его место, и под угрозой раскрытия сможет в будущем держать его на поводке. И даже если сейчас кажется, что Аль Джаис ему благоволит, то предсказать, как изменятся его планы в дальнейшем, практически невозможно.

Оперевшись на перила моста и вдыхая ночной воздух, Широн с головой ушёл в собственные мысли.

А в это время на берегу реки, на небольшом отдалении от императорской резиденции, развернулось ожесточённое сражение.

Один из рукавов реки Фраюс, протекавший недалеко от дворца, густо порос камышом. Тёмной ночью разглядеть что-либо средь таких зарослей было непросто.

Однако даже камыш, что был выше обычных людей, не мог сравниться с ростом Карима, превышавшим два метра. Его вытянутое лицо синеватого оттенка, белые брови и борода, крупные толстые губы в контрасте с бритым затылком, и вращающимися кольцами на запястьях производили сильное впечатление.

Вж-ж-ж…

Кольца окружали платиновые обода, и когда они вращались, возникала иллюзия, будто те светятся в темноте серебристым светом.

Помимо визуального эффекта, шесть колец – по три на каждой руке – входили в резонанс, и вместе издавали такой громкий звук, что вызывали непроизвольную дрожь в коленях.

Плеск!

Карим, запястья которого мелко дрожали, раскручивая кольца, с громким всплеском шагнул в заполненные речной водой камышовые заросли. Его стремительные, мощные движения, казалось, напугали даже камыш, что тут же полёг окрест.

«Средь бессчётных племён Ноаба существуют такие, что из-за своих необычных способностей вынуждены жить во Тьме, избегая солнечных лучей. Средь них есть и те, жители которых могут управлять шершнями словно частью своего тела… Не ожидал повстречать одного из таких людей.»

Ж-ж-ж-ж…

Не успел Карим окончить фразу, как по обе стороны зарослей с бешеной скоростью взлетели, заслонив небо, два чёрных роя шершней. Образовав поле окружностью в двадцать метров, они моментально опустились на заросли камыша.

Размер и скорость обыкновенных шершней имеют известные пределы. Однако взмывшие в воздух насекомые имели невероятный размер – с два больших человеческих пальца. Их полёт был не менее устрашающим – по скорости они могли сравниться с выпущенным из арбалета болтом.

Какое-то время шершни сновали среди затруднявших обзор зарослей, но едва луна скрылась за облаком, погрузив окрестности во мрак, набросились всей стаей.

Защититься от них казалось невозможным. Однако в момент, когда рой был уже перед самым носом, с запястий Карима сорвались шесть колец и принялись кружить вокруг его тела с бешеной скоростью.

Вжжжжж!

По мере увеличения громкости звука, издаваемого кольцами, их скорость возросла настолько, что вокруг Карима образовалась серебристая сфера. Эта сфера из ауры безупречно защищала Карима со всех сторон, и постепенно её диаметр всё расширялся.

«Тррак!» – Жужжащий рой столкнулся со щитом из ауры и был вынужден отпрянуть назад. Однако этим дело не ограничилось – часть шершней дождём осыпались на землю, рассечённые надвое.

«Фьюить!» – Раздался пронзительный свист, и рой, вновь разделившись на два рукава, стремительно, подобно отливу, скрылся в зарослях камыша. Местность вновь окутала тишина.

Неужели противник понял, что не сдюжит?

Примечание

[1] Средство передвижения, в прошлом широко применявшееся для транспортировки вельмож на Ближнем Востоке и ряде других азиатских стран, внешне представляет из себя крытые носилки. В некоторых государствах, в ритуальных целях, используется и по сей день.

http://tl.rulate.ru/book/104928/3680076